

Выйдя со двора семейства Ма, Фан Цзычэнь обнаружил, что снаружи околачивается несколько человек. Шум поднялся немалый, а дом стоял не так уж и на отшибе, так что многие сельчане наверняка всё слышали. Один мужик даже притащил с собой плошку и доедал ужин прямо на ходу — видать, примчался на звуки ссоры, боясь пропустить самое интересное. Охотники до чужих секретов подошли к делу со всей ответственностью.

— Паренёк Фан, — окликнул его кто-то из толпы.

Цзычэнь вежливо улыбнулся и кивнул, вновь принимая вид того самого кроткого и образованного книжника, каким его привыкли видеть. Драться он умел отменно, но внешнее приличие блюл свято.

Хотя Фан Цзычэнь прожил в деревне Сяохэ почти месяц, он целыми днями пропадал в городе, поэтому соседи знали его плохо. Обменявшись парой дежурных фраз, мужики замялись, не зная, о чём ещё говорить, и парень, сославшись на то, что дома его ждёт ужин, поспешил откланяться.

— А парень-то не прост! — протянул один из мужиков, глядя ему в спину.

Едва Цзычэнь скрылся из виду, как начались пересуды.

— Ещё как не прост. Я вот через забор заглядывал: батюшки, он одним ударом дрына разнёс стол Ма в щепки! А силища-то какая! Помнится, тот стол они у старого Фэна заказывали, дерево там крепчайшее было.

— И чего это Фан сегодня в дом Ма с боем пошёл? — спросил кто-то из тех, кто опоздал к началу.

— Ты ещё не знаешь? Ван Дамэй сказывала, будто те ироды передумали: захотели Чжао-гэра обратно забрать, чтобы он на них пахал, как скотина!

— Тьфу, лапотники! Сами из грязи не вылезли, а туда же — решили заделаться господами, чтоб им прислуживали. Не по сеньке шапка, — проворчал мужик. В его голосе слышалось не столько сочувствие к Чжао-гэру, сколько едкая зависть к наглости хозяев.

Фан Цзычэнь издали уловил обрывки их разговора, лишь усмехнулся про себя и прибавил шаг.

Чжао-гэр сидел у ворот, не сводя тревожного взгляда с дороги. Гуай-цзай примостился у него на коленях, забавляясь со своими пальчиками. Совсем стемнело. Супруг места себе не находил, ожидая мужа. Если бы Цзычэнь не отчитал его в прошлый раз, да если бы Лю Лайцзы со своими дружками не околачивался поблизости, он бы давно уже убежал к самому въезду в деревню — караулить.

— Отец! — вдруг радостно закричал малыш. Он соскочил с колен папы и, раскинув ручонки, бросился навстречу высокой фигуре, показавшейся в темноте.

— Ух ты, расшнырялся, малявка! — Цзычэнь подхватил его, но вместо нежных объятий просто зажал под мышкой, точно куль с зерном.

Гуай-цзай, ничуть не обиженный таким обращением, так и засиял от восторга:

— Отец не шёл... ждал отца!

Лапша была уже раскатана и ждала только кипятка. Чжао-гэр подбросил хвороста в печь, и вскоре кухня наполнилась уютным светом и теплом. Пока лапша варилась, Фан Цзычэнь достал бумаги и протянул их мужу.

Чжао-гэр торопливо вытер влажные руки о передник и взял документы, но разворачивать не спешил, лишь недоуменно взглянул на Цзычэня. Тот ободряюще улыбнулся и кивком указал на бумаги: мол, читай сам.

Бумага немного пожелтела от времени, края её были изъедены насекомыми, но сложена она была аккуратно. В какой-то момент, осознав, что именно держит в руках, Чжао-гэр заметно вздрогнул.

— Это?..

— Твой контракт о продаже, — подтвердил Цзычэнь.

Чжао-гэр застыл, не в силах шевельнуться. Глаза его мгновенно налились слезами. Он стоял, намертво вцепившись в документ, и костяшки его пальцев побелели от напряжения.

Юноша никогда не оказывался в подобном положении, но в этот миг, глядя на слёзы супруга, он странно и остро почувствовал его боль. Глухую ненависть и горькое бессилие перед судьбой. Этот клочок бумаги, такой тонкий, что его можно было в мгновение ока порвать, долгие годы был для Чжао-гэра тяжким ярмом. Он словно тысячефунтовая цепь на шее приковывал его к семейству Ма. Он не мог бежать, потому что, куда бы он ни отправился, пока существовала эта цепь, он не был свободен. И все страдания последних десяти лет были платой за эту проклятую расписку. Как тут было не ненавидеть?

— Чжао-гэр? — негромко позвал Цзычэнь и глазами указал на сына.

Гуай-цзай стоял у стола, едва доставая подбородком до его края. Чжао-гэр купил этот стол у деревенского плотника за бесценок только потому, что тот вышел бракованным — слишком высоким. Малышу приходилось есть стоя. Цзычэнь раньше частенько подшучивал над ним, говоря, что, когда человек стоит, его кишки растягиваются, и во время еды в них помещается на пару лишних кусков больше.

Сейчас глаза ребёнка были полны слёз. Сжимая в руках палочки, он не притрагивался к еде, а сокрушённо смотрел на папу, выпятив нижнюю губу и едва сдерживая рыдания.

— Перестань, а то и мелкий сейчас заревет, — мягко произнёс Цзычэнь.

Чжао-гэр глубоко вздохнул и поспешно вытер лицо. Дождавшись, пока жжение в глазах утихнет, он сел рядом с сыном, погладил его по щеке и поцеловал в макушку.

— Ну всё, маленький, папа в порядке. Лапша сейчас совсем размокнет, ешь давай.

Гуай-цзай прижался щекой к его ладони и нежно пролепетал:

— Папа тоже кушай, — а затем обернулся к Цзычэню, который всё ещё стоял у печи, и затрусил к нему, настойчиво потянув за руку: — И отец кушай!

Чжао-гэр полагал, что раз муж выкупил его за три ляна, то и документ должен храниться у него. Однако, когда вечером он попытался отдать контракт Фан Цзычэню, тот наотрез отказался его брать:

— Оставь у себя. Как только заработаю достаточно денег, ходим в ямэнь, оформим постоянную регистрацию, тогда и аннулируем эту бумажку.

Эта вещь принесла слишком много горя, и Цзычэню не хотелось даже лишний раз на неё смотреть.

Чжао-гэр промолчал и лишь спустя долгое время едва слышно выдохнул:

— Хорошо.

***

На пристани в последние дни было не протолкнуться: видать, все торопились поскорее разгрузить суда. В обеденный перерыв управляющий объявил, что те, кто готов работать без

отдыха, за этот час смогут получить по одному вэню за каждые два перенесённых тюка. Предложение было заманчивым. Почти все грузчики, соблазненные деньгами, остались на жаре, и лишь Фан Цзычэнь один прослыл «неженкой» и ушёл в тень.

В самый полдень зной стоял невыносимый. Цзычэнь, конечно, немного завидовал чужому заработку, но, рассудив здраво, решил, что жизнь дороже. То, что он, бывший наследник богатого состояния, смог переступить через гордость и заняться тяжёлым физическим трудом, уже было огромным достижением. Пока он жив и здоров, деньги всегда найдутся.

Пообедав, он по привычке отправился поболтать с родственником управляющего. Проговорив с ним добрую половину дня, он наконец узнал причину такой спешки: на пристань скоро должны были прибыть правительственные суда. Места в гавани было мало, и торговым кораблям волей-неволей пришлось освобождать путь.

Впрочем, на этих судах везли вовсе не важных сановников или казённые грузы. Этот рейс доставлял домой раненых и искалеченных солдат с границы.

Двадцать лет назад о подобном и мечтать не смели. В те времена, если солдат на войне лишался возможности сражаться, ему просто выписывали справку об отставке, и он, если срок службы ещё не истёк, заплатив немного серебра, на своих двоих добирался до дома. Дороги были долгими и опасными, и многие калеки, чудом выжив в сражениях, погибали на обратном пути.

Нынешний Император проявил милосердие. Понимая, как тяжёл путь от границы до далёких провинций, он приказал чиновникам на местах позаботиться о возвращении героев, защищавших рубежи государства. Местные власти, получив указ, решили, что быстрее всего будет отправить людей на правительственных судах.

— Война идёт уже шесть лет, и конца-краю ей не видно, — вздохнул родственник управляющего, сокрушённо качая головой. — В нашей деревне один мужик вернулся с границы... Господи, да он так исхудал, что я его поначалу и не признал. Ногу ему отняли, — он указал рукой на колено. — Вот здесь. Сказал, варвар своим тесаком махнул — и всё, в один миг надвое. Считаю, повезло ему, что живой остался. Из двадцати человек, что от нас ушли, только он один и воротился.

Фан Цзычэнь промолчал. Он понимал, что в этом нет ничего удивительного. Когда на границе не хватало людей, власти гребли всех подряд. В рекруты попадали в основном бедняки, у которых не было денег, чтобы откупиться. Вчерашние пахари, не знавшие ничего, кроме своего надела, они не умели держать оружие. Их бросали в пекло сражений без всякой подготовки, и при виде бесчисленной вражеской конницы и сверкающих клинков у них просто подкашивались ноги. Эти люди шли на убой лишь ради того, чтобы создать численное превосходство. Стоит ли удивляться таким потерям?

Сам Цзычэнь был выходцем из мирной эпохи, он в жизни своей крови-то почти не видел. И хотя смелости ему было не занимать, а кулаки его были тяжелы, он не мог поручиться, что сам

не дрогнет, окажись он на поле боя, среди дыма и грохота, лицом к лицу со свирепым врагом. Потасовки в переулках — это детские забавы по сравнению с настоящей резнёй. Там головы летят по-настоящему. Наверное, и у него бы поджилки затряслись.

— Сдаётся мне... — собеседник опасливо огляделся по сторонам и, убедившись, что все заняты делом, придвинулся ближе, понизив голос до шепота: — Сдаётся мне, в следующем году опять набор объявят.

У юноши невольно дернулось веко.

— Не может быть, — так же тихо отозвался он. — Ведь только в этом году людей забирали.

— Кто ж его знает, — помрачнел мужчина. — На днях хозяин заходил, чай пил, ну и проговорился случайно. Я краем уха и зацепил.

Он замер, не в силах проглотить воду из ложки. Поставив её на стол, Фан Цзычэнь спросил:

— Думаете, правда?

Ежегодный набор... Неужели тот, кто сидит в Столице, совсем не боится, что народ за вилы возьмётся?

— Должно быть, правда, — вздохнул родственник управляющего. — У хозяина в Цзинчэне связи есть, поговаривают, что у двора такие намерения имеются. Мы-то здесь далеко, новости доходят поздно. Я тебе это так, по секрету сказал, чтобы ты начеку был. Не болтай лишнего.

— Понимаю, — кивнул Фан Цзычэнь.

Весь остаток дня он провёл как на иголках. Грузчики, с которыми он успел сойтись поближе, заметили его кислый вид и поинтересовались, что случилось.

— Да так, — отмахнулся парень. — Перегрелся, видать. Устал что-то.

— Устал — так не хватай лишнего! — усмехнулся один из мужиков. — Ты и так молодец, почти месяц впрягаешься, и только сейчас на усталость пожаловался. Пойдёшь домой — купи чего-нибудь вкусного, подкрепись как следует.

Глаза Цзычэня блеснули.

Закончив смену, он действительно отправился на рынок. Время было позднее, многие прилавки уже опустели, но мясная лавка ещё работала. На прилавке сиротливо лежали два

куска свиной головы размером с ладонь.

Хозяин, завидев покупателя, окликнул его:

— Парень, брать будешь? Отдам по восемь вэней за цзинь.

Свинина нынче была не из дешёвых: за хороший отруб просили вэней двенадцать-тринадцать. Мясо с головы всегда ценилось меньше, но и на него цена обычно не падала ниже девяти вэней.

Цзычэнь пощупал кошелёк и прикинул:

— За шесть заберу всё.

Мясник на мгновение задумался.

— Всё заберёшь?

— Всё.

— Эх, ладно, по рукам. За шесть так за шесть.

Всё равно до завтра мясо потеряет свежесть.

Глядя на свои покупки, Фан Цзычэнь довольно заулыбался. Настроение его мгновенно улучшилось.

<http://bllate.org/book/15357/1420157>